

Вадим Белозеров

ПОВЕСТЬ О ТРЁХ ИМЕНАХ

ЛЕТОПИСЬ ЗЕМЛИ КАРОЛИЙСКОЙ
КНИГА II

Вадим Белозеров

Повесть о трёх именах

«Автор»

2026

Белозеров В.

Повесть о трёх именах / В. Белозеров — «Автор», 2026

Двадцать лет прошло с Альгардской катастрофы, а мир до сих пор продолжает трясти отголосками тех событий. Сыны Алой Зари хранят верность императрице, забыв о последнем приказе своего отца. Вот только верность их основана на лжи, что все гуще покрывается трещинами. Спеша опередить неизбежное, императрица посылает свою дочь с важной миссией - узнать сокрытую короной правду и, наконец, уничтожить все улики ведущие к ней. В этом опасном пути за край известного мира героям предстоит решить для себя, чем они готовы пожертвовать, чтобы последний приказ Аллазария оставался забыт.

© Белозеров В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вадим Белозеров

Повесть о трёх именах

Глава 1

«... А единственное что мы можем – это выбрать, во имя чего умереть. Я выбрал. Ты выберешь. И это не сделает нас героями. Просто мертвецами с чистой совестью.»

– Привет, Тишка!

Старик приветливо помахал рукой в ответ. Уж сколько зим он пережил, сколько детей он вырастил, сколько похоронил, а все Тишкой и оставался. Как привязалось в детстве, так и до сих пор:

– Здравствуй, Тишка!

Его грудь вдохнула в себя погожее утро, и с новыми силами принялся старик толкать свою тележку. Одно лишь печалило Тишку: уж шибко яблок на падалицу пришлось. Он сложил их на дно, прикрыв сверху наливными и свежими плодами, которые его дряхлое тело еще могло сорвать с дерева.

Яблонька в этом году потрудилась на славу. Сочные и сладкие плоды дала. Такие и про-давать грех. Ими бы делиться на радость соседям, знакомым и приветливым людям. Тишка бы и делился, как и годом ранее и за год до того... Но вот сыновья войнами пошли, да трое там и слегли, а старший – лучшую жизнь отыскал. Инструменты с тех пор поизносились, а новые изготовить – сил уж нет совсем. Один выход: купить. А монеты где взять?

– Доброго утречка, Майюшка! – Тишка подошел к опрятного вида бабе в плотном, тучном и здоровом теле. Ее коса, с руку толщиной, спускалась через плечо до пояса и даже старческий глаз Тишки невольно цеплялся за пышную ее грудь. *«Эх, мои былые годы...»*

– Доброго и тебе, милый друг, – ласково улыбнулась Майя.

– По чем яблочки продаешь? – Тишка взглянул на предложенный женщиной товар.

– Десять яблок за монету.

– Уж не дешевишь ли?

– Ну, как же? Урожай ведь...

– Ну да, ну да... – Тишка понурил взгляд. Эдак может статься, что и не хватит ему выручки.

– Да ты вставай рядом, милый друг. Вместе и веселее будет.

– Спасибо, Майюшка, но я до площади почачаю. Там, глядь, и подороже продам.

– Ох, бросил бы ты эту идею... Внучек там твой – лиходей проклятый – всю площадь кошмарит, житъя честным не дает, да губит... губит людей, – женщина прикрыла рот рукой и горечью наполнился ее взгляд.

– Не волнуйся, Майюшка. Уж со внучком-то я совладаю. А повезет – так и вразумлю подонка! – Старик успокаивающе улыбнулся и показательно потряс дрыном над головой. Он навалился на свою тележку и та, заскрипев от возмущения, все же подалась вперед.

– Ох... не ходил бы, – проводил старика взволнованный женский взгляд.

Тишка остановился в тени моста. Сверху шумели редкие телеги, слева – речушка делилась прохладой. Трава была мягкой, а Тишка уставшим, да так и задремал.

Отобедал скромно: хлебом и простоквашей, но не удержался и на одно яблоко в телеге стало меньше – чтобы толкалась легче.

Просторная площадь встретила старика шумом толпы – как толпу представлял себе Тишка – гуляло здесь от силы дюжина человек. Были и торговцы. Спокойные и не битые –

стояли за лавками и совсем не боялись, что лиходеи по их душу явятся. Успокоился и Тишка. Он откинул покрывало со своей тележки и встал не на проходе. Вдохнув яблочный аромат, он лишний раз опечалился тем, что такую радость продавать придется.

– По чем яблоки, дед? – Самый очевидный вопрос застал Тишку врасплох. И, пока он мысленно подбирал цену, легкий стыд вновь затесался в его душу.

– Да ты угостись, любезнейший, угостись. – Радостно выдохнул старик. – Опробуй яблочки. А как надумаешь – так и восемь за монету.

Мужик цапнул самое крупное яблоко и жадно впился в него зубами. От сочного хруста, Тишка голодно сглотнул.

– Вкусные яблоки, дед. Вкусные. Разрешает тебе Зыка здесь торговать. Его доля – три монеты с твоей телеги. К вечеру ждет.

Тишка нервно сглотнул.

– За какие это заслуги, позвольте спросить, Зыка с меня плату требует?

– А тебя это волновать не должно! Я – говорю, ты – делаешь. Как ты на площадь въехал, так на все условия и согласился. Купил – можно сказать – себе место проходнее.

– Но...

– Без «но». Со мной и спорить нет смысла. Я просто дежурный здесь. Вечером с Зыкой поспоришь. – Мужик весело рассмеялся и ушел. Усевшись на укрытые в тени ящики, он хозяйским взглядом окинул площадь и вновь впился зубами в сочное яблоко.

Тишка заметно нахмурился.

«Ну, да до вечера еще дожить надо. А там – глянь, и улизнуть получится»

Старик разгладил свою жиденькую белую бородку и натянул приветливую улыбку перед покупателем.

Яблоки у Тишки выдались и правда вкусные. От того и разлетелись они в считанные часы.

«И что же мне теперь до вечера ждать, чтобы три монеты невесть за что отдать? Вот уж дудки...»

Бросив осторожный взгляд на дежурного, которому не было, кажется, совсем уж дел полезных, Тишка потолкал свою пустую телегу к выходу. Уже на самом краю площади он вновь оглянулся, но дежурный так и дремал на своих ящиках. Радостно выдохнув, Тишка...

– Добрый день, отец. Далеко собрался? – Дитина с каменной мордой преградил ему путь. От его могучего вида, голоса и взгляда у старика подкосились ноги.

Зыка появился быстро. Не только три монеты, но честь и имя его какой-то старик на кон поставил. Шутка ли? Сбежать, с самим Зыкой не расплатившись?!

Зыка был молод и ловок. В меру строг, чтобы поддерживать уважение в глазах сподвижников и в меру рассудителен, чтобы быть наголову умнее их. Суровым взглядом Зыка окинул двух побратимов, что обступили напуганного до беспамятства старика. Словно загнанный в угол щенок, он жался, опасливо поглядывая на палку в руках одного из мордovorотов – ясно было, что с этой палкой он уже успел познакомиться.

– И что тут? – Зыка встал, горделиво уперев руки в пояс.

Пара расступилась, представляя его суровому взору жалкий вид Тишки.

– Плати, дед, три монеты и проваливай.

– Как же это три? – Переспросил Зыку один из лиходеев. – А штраф за побег?

– Бит? – Главарь указал на палку в руках своего товарища.

– Бит. – Угрюмо и без капли сожаления кивнул тот.

– Ну вот ему и штраф. – Зыка перевел взгляд на невесть почему повеселевшего старика.

– А ты, старик, давай сюда три...

– Шишка! – Тишка прям-таки расплылся в улыбке, узнав родного внука. И что за имя дикое – Зыка? – Привет, Шишка!

Мордовороты переглянулись, сдерживая рвущийся наружу смех, а Тишка вспомнил как лет, эдак, дюжину и три назад внучек его радостно гулял по солнечному лесу. Как светлое лицо его расплывалось в улыбке, когда выковыривал он очередную притоптанную шишку из земли. Зубы его тогда только начинали меняться, от чего звук «ш» давался со свистом и как это уморительно звучало... Вспомнил это Тишка и улыбнулся сквозь слезы ушедшим годам.

– Что же ты, Шишка, глядишь на меня так хищно? Что же ты, Шишка, деда родного не узнал? Что же ты, Шишечка... – Приговаривал дед, то радуясь встрече, то разочаровываясь в ней.

Наконец, первый бугай сдался и разразился не смехом, но хохотом. Да таким, что изогнулся в спине и гогот его разлетелся на всю округу. Подхватил и второй.

– Не ну... ты слы... слышал? – Пытался связать слова один.

– Шишка! А-ХА-ХА-ХА-ХА-А!!!

– Шишечка! МУ-А-ХА-ХА-А-ХА!!!

– ШИШЕЧКА! – Повторил первый, упав на колени и хлопая рукой по земле.

Смотрел Зыка, как побратимы его задыхались смехом. Как хватались за животы, пытались вдохнуть, да не могли. Как текли слезы из их глаз... Смотрел и наливался злостью. Увидел Тишка эту злость в глазах внучка и побледнел.

Больно было Тишке. От того, что его любимый внук бандитом стал. От того, что вразумить его не смог. И от ударов его больно было. Зыка бил не разбираясь. И чем громче смеялись над его детским именем побратимы, тем сильнее Зыка прикладывался к несчастному старику.

– От дурак ты темный! Уж третья эпоха на дворе!

– Ишь ты? И давно?

– Да двадцать лет как...

– Двадцать... это...

– Дюжина и восемь.

– Ну так бы и сказал! А то ишь – умничать удумал... Ну и что... И что там?

– А там... темнота ты... Третья эпоха. Это ж как Вечный Император погиб, так и вот.

– Даладна! Император погиб?!

– Ой темнота-а... Уж дюжину и восемь лет как – говорю тебе! Его демон убил!

– Демон? Ну ты и брехун!

– Демон! А этого демона убила дочь императора! Ее Высочество Тиалин Светоносная. С тех пор уже – Ее Величество! Дай, Судьба, ей вечной жизни...

– Ну, может, что-то такое я и слышал...

– Да точно слышал. Тогда еще вся Каролия обсуждала ее дочь от прежнего императора – ее отца. То есть ее отец был так же отцом и ее дочери. И дедом. А ей – и мужем и отцом! Понял? Дурак темный.

– Ничо я от тебя не понял. Ее Величество – дай, Судьба, ей вечной жизни – что же, от папки своего родила?

– УЖ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ КАК!

– Ой, фу...

– Сам ты – фу. Это – ИМПЕРИЯ! Что ты, чумазый понимаешь в делах Великих?

– Нет. Ну дочь же, она... как же это...?

– А сосед твой? Козу твою облюбовал. Раз в неделю в сарай к тебе бегают! Так ты за бутылку и пуцаешь! Не «фу» ли?

– Ну то ли – коза. А то ли – дочь...

– Да ну тебя, темнота. Смотри, вон лучше, Зыка очередного несчастного поймал...

– Да больно смотреть. Не хочу. Смотри, вон лучше, девка распутная идет.

– И что ж она распутная? Осанка благородная, взгляд волевой. Еще и в охране вояки braveго.

– А то и распутная, что кос нет и волосы под ветром гуляют.

– О-ой, темнота. Дык, в империи все дамы так ходят. Это ж, как там ее... МОДА!

– Ой, фу...

– От ты заладил, «фу», да «фу», надоел... Ты в лаптях своих по нашей столице пройдишь хотя бы – вот и услышишь «фу».

– Да это ты мне уже надоел. Говорю тебе: либо распутная эта девка, либо ведьма! А что до империи твоей – мне дела нет! Хоть бы и на внучках они там женились, хоть бы и двенадцатая эпоха уже пошла! Нам урожай собирать пора, а ты все разговоры свои бесполезные разговариваешь!

Тишка уже и не пытался отбиваться. Он просто лежал, закрыв руками лицо, измазанное кровью, грязью и слезами. Зыка не унимался. Даже когда ребра Тишки стали заметно более мягкими и податливыми, Зыка продолжал бить и пинать. На его глазах тоже проступили слезы. Но не от жалости. Сколько лет он потратил на свою славу, на свое имя... А теперь... Он бросил взгляд на отходящих от захлебистого смеха товарищей.

– Так, это ж, что же... У нас получается голова – ШИШЕЧКА!

И новая волна смеха скрутила бугаев. И с новой силой Зыка принялся вымещать злобу на обмякшем старике.

– Посмотри на них... Разве это не мило? – Девушка тепло улыбнулась, глядя на заливающихся смехом мужиков. – Они тоже улыбаются, когда им весело, плачут, когда горько. Они... Они совсем, как мы.

– Они люди, Дайна. – Сухо ответил ее спутник. – Это естественно.

Девушка с легким удивлением взглянула на него.

– Ну, если ты готов назвать гусеницу мотыльком, то... ладно... – она снова, но с ноткой признания взглянула на жизнь селян. – Но правда в том, что человек не рождается полноценным.

Взгляд мужчины стал разочарованным. Он знал, что скажет Дайна в следующую секунду.

– Правда в том, что без Ее Дара, человек – просто мясо. Просто корм...

– Так, значит, корм и я?

– Нет! Конечно нет, любимый! – Дайна бросилась к нему на грудь и прижалась к ней. – Ты встал на путь. На верный путь. Скоро и ты познаешь Дар. Скоро, Ульф, и ты станешь алларом.

Селяне обходили целующуюся пару и осуждающе перешептывались:

– Где это видано, чтоб средь бела дня, да и у всех на виду?!

– А у девицы – где это видано? – косы распущены!

– Ну ведьма – ей, ей!

Наконец, девушка отстранилась от мужчины и застенчиво прикрыла губы. А Ульф не мог отвести взгляда от подворотни, где сапог в очередной раз опустился на тело старика. Раз. Два. Глухой звук, похожий на то, как мясник отбивает кусок говядины. Старик уже не кричал – только вздрагивал, вжимаясь в землю.

Ульф видел такое не раз. Человек – существо хрупкое. Пара минут и всё кончится... Мучения прекратятся всего через пару минут.

Сапог опустился снова. Тело даже не дернулось.

Ульф почувствовал, как пальцы сами сжались в кулак. Он заставил их разжаться. Не нужно вмешиваться, не нужно рисковать, не нужно объяснять Дайне, почему ему вдруг стало жалко какого-то человека. Да и жалко ли? Сколько смертей он наблюдал? Сколько сотворил...?

– Сердечко ёкнуло? – ухмыльнулась Дайна.

Стало ли тошно Ульфю от вопроса, или от всплывшего в голове ответа – он быстро подавил это чувство.

– Он человек. – сухо ответил Ульф. – И я тоже.

Дайна поджала губки и перевела взгляд на старика. Только она смогла уловить тот тихий, почти беззвучный всхлип, который означал, что Тишка – живой. Ещё живой. Чудом, вопреки всему – живой!

– Ты – избранный, Ульф. Только тебе дано решать, кто из смертных достоин Дара. – в голосе девушки чувствовалась неуверенность, но вместе с тем и преданность. – Пусть ты и выбрал Зыку, но... Еще не поздно. Одно твое слово и...

– Нет. – так же сухо прервал ее Ульф. – Зыка будет нам полезен.

Дайна облегченно улыбнулась. Она подхватила мужа под руку и, быстро отвернув его от происходящего, повела в ближайшую таверну.

– Ты молодец. – прошептала она, прижимаясь к плечу. – Я знаю, как тебе тяжело, но ты справляешься. Ради нас.

Ульф промолчал.

«Ради нас. Ради... чего?»

В таверне былолюдно, шумно и привычно воняло кислым пивом и жареным луком. Ульф сидел в углу, привалившись плечом к бревенчатой стене, и лениво жевал безвкусное мясо.

Дайна сидела напротив, подперев щеку рукой, и с любопытством разглядывала его поверх глиняной кружки. Огоньки свечей плясали в ее темно-вишневых глазах.

– Ты сегодня сам не свой, – она отставила кружку в сторону и легонько пнула мужа под столом.

Ульф, проглотив, наконец, мясо, перевел взгляд на девушку.

– Я устал... – вырвалось у него шепотом. Ульф и сам удивился этим словам, а Дайна лишь вздохнула, потянулась через стол и накрыла его ладонь своей. Пальцы у нее были холодные. Всегда холодные, сколько бы крови их не омыло.

– Всё почти закончилось, – Она поднесла его ладонь к губам и поцеловала костяшки. – За эти полгода, ты столько сделал... столько привел. Остался лишь шаг, и мы пройдем его вместе.

Ульф посмотрел на неё. На эти глаза цвета тёмной вишни, в которых иногда мелькало что-то такое... живое. Настоящее. То, за что он цеплялся все эти месяцы.

– Зачем ты обратилась, Дайна? Зачем стала алларом?

Дайна склонила голову, и черные волосы упали на плечо.

– Зачем мне Дар? – девушка моргнула. На секунду в её глазах мелькнуло что-то растерянное – как будто вопрос застал врасплох. – Что за странный вопрос... Я не болею, не голодаю. Я красива и бессмертна, а если и этого мало – я дождалась лучшего мужа в мире!

Дайна потянулась через стол и чмокнула его в нос. Легко, по-домашнему. Так, как могла бы чмокнуть обычная женщина обычного мужа после долгого дня.

И в этот момент Ульф почти поверил, что она все еще обычная. Что не важен никакой Дар, никакая кровь, никакие послушники. Что есть только они двое, таверна, жареное мясо и вечер за окном. Почти поверил.

Резкий, отчаянный вопль разорвал тишину улицы. Ульф остался неподвижен, лишь брови чуть дрогнули. Дайна же, напротив, расплылась в хищной улыбке. А в следующий миг дверь с треском распахнулась – и на пороге возникла неясная тень.

– Пора начинать. – прошептала Дайна, и в этом шёпоте не осталось ничего от той женщины, что только что целовала его руку. – Береги себя, Ульф.

Он увидел, как глаза ее начали наливаться кровью. А через мгновение она уже растворилась в чёрном дыме, рванувшем к распахнутой двери, туда, где над деревней уже занималось зарево первого пожара.

И тогда закричали люди.

Тень с порога обратилась мечником. С нечеловеческой скоростью клинок описал дугу, и первый из селян, не успевший даже вскрикнуть, осел на пол, зажимая разорванное горло. Таверна взорвалась воплями.

Ульф устало поднялся из-за стола. Он шёл к выходу, и мечник с почтением отступился перед ним. Чьи-то пальцы царапнули его сапог, умоляя о помощи, но Ульф не смотрел вниз. Он научился не смотреть.

За порогом вечернее небо пересекали тени – десяток, может, больше. Они срывались с крыш, вытекали из переулков, стягивались к центру деревни, откуда уже доносился треск горящей соломы и женский визг, переходящий в хрип.

Ульф сделал над собой усилие – то самое, которое приходилось делать слишком часто за последние годы, – и вынул меч. Клинок тускло блеснул в свете пожара.

– Прости, – сказал он в пустоту. И шагнул в сумерки.

Это была обычная деревня. Ничем не примечательная. Люди здесь так же боялись смерти, как и в любой другой. Они кричали, как и кричали бы всякие, неспособные защитить семью. Дома и сараи занимались огнем так же, как и в любой другой деревне. Это была обычная деревня... Ей просто не повезло.

Ульф вздохнул. Он вышел из дома полного трупов – здесь уже успели побывать аллары. Забросив факел на крышу, он долгие секунды смотрел, как факел пожирает кров. Сколько лет этот дом простоял? От скольких ненастий он уберег своих жильцов? Сколько слышал детских плачей? Сколько тайн сохранили его стены за многие годы? Это был чей-то дом. Дом... Под рукой Ульфа, умирающий вслед за своей семьей.

Отец держал на руках окровавленное тело сына. Дочь на коленях слезно молила его обратиться. Она вцепилась кровавыми руками в рубаху мужчины, не желая вступать в новую жизнь без него. Ее красные глаза с верой и надеждой ждали согласия отца.

Отовсюду доносился шум резни – хруст ломаемых дверей, вопли, треск пламени. В воздухе густо пахло гарью и чем-то сладковатым, до тошноты знакомым. Мужчина перевёл взгляд на Ульфа. Встретился с ним глазами.

И Ульф понял – тот сейчас кивнёт. Согласится. Без промедления он шагнул вперёд и, подавив в себе всё, что ещё пыталось называться человеческим, вонзил меч в сердце отца. Глаза мужчины широко открылись, немой крик застыл на его лице, и он обмяк, не выпуская все же мертвого сына. Следующим движением, Ульф срубил его голову.

Послушница взревела – дико, нечеловечески, бросаясь к телу, пытаясь поймать его, удержать, усадить. Её окровавленные пальцы скользили по рубахе, по плечам, по тому месту, где только что была голова.

– Обращение против воли – кощунство. – Проглотив ком в горле, ответил Ульф на истеричные возгласы красноглазой.

Девушка вскочила, впиваясь кровавым взглядом в глаза мужчины. Жалкая железка в руках не защитит его, мягкое тело не выдержит ее гнева, но Ульф принял ее яростный взгляд и не дрогнул. Послушница зашипела, рассыпалась чёрным дымом и устремилась прочь. Ульф еще долго стоял над телами поверженных.

Крики стихали один за другим, и вскоре наступила тишина. Солнце уже уползло за горизонт, уступая небо зареву пожара. Дома с хрустом складывались, обглоданные пламенем. Ветер подхватывал пепел и кружил его в медленном ритме.

Ульф нагнулся, зачерпнул горсть серого порошка. Он увидел в своей руке чей-то дом, чью-то жизнь, чью-то мечту. Он сжал кулак, чувствуя, как пепел просыпается сквозь пальцы. *«И что ты мне скажешь, Учитель?»* – спросил он. Ветер не ответил. Только швырнул золу ему в лицо.

– Я так и думал, – прошептал Ульф.

На южной околице, там, где пепел пожарищ уже не сыпался с неба, собирались послушники и неофиты. Дайна ходила между ними – легкая, почти танцующая походка, от которой у любого смертного перехватило бы дыхание. Ее руки, подбородок, шея, даже платье – всё было густо залито кровью. Но темно-вишневые глаза светились таким наслаждением, будто она только что отобедала во дворце.

Из дымки со стороны деревни выступил силуэт мужчины, лишённого Дара. Он медленно приближался к собравшимся. Послушники прожигали его взглядами, полными зависти, – того, кто заслужил право подняться выше них. Заслужил! Полгода он доказывал, что достоин. Полгода приводил к ним новых, убеждал сомневающихся, не брезговал самой грязной работой. И вот – завтра явится второпослушник, проведет ритуал, и этот человек перестанет быть человеком.

Дайна смотрела на приближающегося мужа и не могла сдерживать улыбки. Двести лет она жила в простом мире – пресмыкайся перед сильными, угнетай слабых. Двести лет она пресмыкалась и угнетала, пока не появился он – слабый, уязвимый, но... неподвластный. Он возжелал силу большую, чем она могла предложить. И даже большую, чем она сама обладала. В ту ночь красноглазая девушка впервые взглянула на какого-то человека с уважением. Его амбиции, его жажда силы восхитили ее, и тогда, впервые за двести лет, Дайна захотела не подняться над кем-то, а остаться рядом.

Полгода испытаний... И вот, наконец, завтра явится послушник второго колена. Завтра Ульф возвысится до аллара – до истинного человека, а пока... Дайна шагнула к нему, сжала в объятиях и оба растворились в чёрном дыме. А пока она сделает всё, чтобы последняя ночь в человеческом теле запомнилась ему навечно.

Глава 2

«Просто когда-нибудь ты согласишься на свои руки и согласишься, что грязь на них стоит того, ради чего ты её собирал.»

Теплая летняя ночь. Глупые мотыльки кружили вокруг светокаменей и, устав, садились на каменные стены, чтобы через мгновение снова сорваться в бессмысленный танец. Ульф лежал без сна. Его мысли кружились подобно ночным насекомым – бестолково, безнадежно, натываясь одна на другую.

Рядом, едва прикрытая шелковым одеялом, сомкнула глаза Дайна. Спит ли она? Или, быть может, алларам вовсе не нужен сон? Он украдкой взглянул на её утонченные черты лица – в отблесках магического света она казалась почти живой, почти обычной.

Путь длиною в полгода заканчивался. Завтра.

Ульф осторожно поднялся, натянул штаны.

– ...Милый...? – Ее заспанный голос не был на самом деле вызван усталостью. Скорее – это привычка... из жизни «гусеницы».

Ульф обернулся на свою жену. Застыл на мгновение, а затем, опустил на колени перед кроватью, взял ее руку в свои.

– Дайна, я... – он прильнул к женской ладони, коснувшись его щеки так, словно пытался запомнить это касание на всю жизнь.

«Она не чудовище. Она просто на неверном пути...»

– Сомнения, – голос Дайны стал мягче, почти ласковым. – Страхи... заботы... завтра всё исчезнет.

Ульф поцеловал ее пальцы. Затем запястье. Медлил, не желая произносить следующие слова. Не желая слышать на них ответ.

– Давай уйдем, Дайна. Тиалин проведет ритуал...

Услышав это имя девушка одернула руку – резко, будто обожглась. Она одарила Ульфа требовательным взглядом, надеясь, что он объяснится, но муж не мог подобрать слов. А через мгновение на её месте уже клубился чёрный дым. Он перетёк через кровать, собрался в стройный силуэт у окна – Дайна стояла в ночном платье, гордая и чужая, и смотрела на него так, будто видела впервые.

– Тиалин? Богоубийца? – Её голос едва не перешел на крик. Если кто-то услышит...

– Не важно кто она. Её ритуал очищения...

– Не важно кто?! Она убила Демона Пепла! – Дайна в изумлении развела руками. – Нашего освободителя! Нашего... творца!

Ульф опустил взгляд в отчаянии. Разговор пошел не туда. А Дайна продолжала:

– Он тот, кто убил Сиралиона! Он – тот, кто даровал Плоды Совету Пепла...

– Я знаю, кем он был, Дайна! – Голос Ульфа разбудил мотыльков, пригревшихся на стене.

– Я знаю, кем ты являешься. Ты не...

Он осекся, поняв, что чуть не уничтожил всё то хрупкое, за что так цеплялся. Почувствовав его смутение, Дайна настойчиво подошла к мужу:

– Я не... кто? – тихо спросила она – За кого ты нас считаешь, человек? От чего желаешь очистить?

– Как ты можешь так ненавидеть ту, чей Дар восхваляешь? – Ульф не отступил и не дрогнул перед алыми глазами. Он чувствовал, как древняя магия ошупывает его сознание в поисках сомнений, ереси... предательства.

– Ты знаешь, как. – Дайна отступила, выудив из мыслей мужа ответы. – Ты ненавидишь ее не меньше. А ее Дар – просто инструмент.

Она отвернулась к окну. В ночи глупо и безмятежно кружили всё те же мотыльки. Ульф подошёл сзади, обнял, прижался щекой к её затылку.

– Нам не нужен ее Дар, Дайна. Не нужен Култ. Нам нужны только мы. Истинные мы... Дайна молчала. Долго. Так долго, что он уже начал надеяться.

– Сила – единственная добродетель, – произнесла она наконец ровным и безжизненным голосом. – Слабость – единственный грех. Мораль, жалость, семья – это тлен. Оковы, от которых ты освободишься, приняв Дар.

Ульф узнал цитату учения. Это и был ответ. Рука девушки легла поверх его ладони.

– Я тоже волновалась перед обращением. Тоже боялась... – Она говорила мягко, но в этой мягкости больше не было тепла – только снисхождение. – Я надеялась, что ты сильнее, но, видимо, такова природа гусениц.

Ульф разжал объятия и отступил на шаг.

– Завтра ритуал, – сказал он глухо. – Я должен подготовиться.

Он вышел. Дверь закрылась за ним почти беззвучно. Дайна не обернулась – она всё стояла у окна и смотрела, как порхают мотыльки.

«Истинные мы», – повторила она про себя его слова. И усмехнулась. – *«истинная гусеница – это мотылек»*.

Выйдя из комнаты, Ульф спустился по винтовой лестнице, ступени которой глухо стонали под его шагами. Он вошёл в кладовую – тесное помещение с низкими полками, заваленными всевозможными припасами. Там среди иссохших трав и забытых вещей, он без труда нашел мешок золы, припрятанный ранее, взвалил его на плечо и вышел во двор.

Огромный красноглазый пес встретил его на крыльце. Когда-то Торн был обычным пастушьям псом. Тогда и его хозяин был обычным человеком. Ульф не слышал о подобном – за двадцать лет странствий он не встречал обращённых зверей. Только людей. Но каким-то образом Нергалю удалось то, что не удавалось другим.

Торн оживился при виде Ульфа. Хищно облизнулся, но не издал ни звука. Красные глаза лениво скользнули по фигуре человека, на мгновение задержались на поклаже. Не найдя ничего интересного, пёс улёгся обратно, положил морду на лапы и замер. Он не дышал – или дышал так редко, что Ульф не мог уловить движение грудной клетки. Пес разглядывал что-то в темноте угла, ожидая приказов хозяина.

Ульф поймал себя на том, что обходит пса по широкой дуге. Еще бы! Торн и при жизни передавил не одного волка, а уж после обращения Нергаль без колебаний спускает его на оннисов.

Обойдя растущий во дворе дуб – единственное живое дерево во всей усадьбе, – Ульф опустился на лавку. Достал из мешка первый сверток, развернул. Там оказалась карта поместья, начерченная точной и ловкой рукой.

Второй сверток он достал из-за пазухи – бережно, как что-то очень хрупкое. Им был пергамент с прорезями, похожий на трафарет. Ульф наложил его на карту, совместил углы. Он прижал пергамент пальцем, чтобы не съехал, и тонким угольком перенёс шесть меток на карту.

Ульф сложил пергаменты, спрятал карту за пазуху, трафарет – подальше в мешок. Поднялся, взвалил поклажу и пошёл к первому месту – туда, где иссохшая яблоня вросла корнями в каменную ограду.

Он снова сверился с картой, затем зачерпнул золу из мешка и разжал пальцы. Тонкая струйка осыпалась ровной линией, как будто сама знала, куда ей ложиться. Ульф двигался от метки к метке, рассыпая золу из мешка и не думая больше ни о чем. «Завтра» наконец-то наступило.

– Чем ты занят? – голос раздался за его спиной, когда он заканчивал с пятой меткой.

Ульф не ответил. Досыпал последнюю горсть, распрямился, отряхнул ладони от пепла и только тогда обернулся. Нергаль стоял в двух шагах. В темноте его багровые глаза казались почти черными, пустыми.

– Что ты делаешь?

Ульф молча достал карту с метками и протянул ее аллару. Тот разглядывал ее, подставив под свет из окна.

– Шесть меток, – ответил Ульф. – Символизируют шесть даров Демона. Через эту связь я надеюсь получить Его благословение.

– Вот как? – пренебрежительно бросил Нергаль. – Демону плевать на твои узоры. Лучше отдай все силы подготовке к посвящению. Выспись перед долгим днем.

– Я закончу, – поднявшись, Ульф протянул Нергалю руку. Аллар повел бровью, но всё же вложил в нее карту.

Они проследовали к шестой метке, где мешок, наконец, опустел. Когда Ульф закончил с меткой, Нергаль все же опустился к узору и пригляделся к порошку.

– Здесь ведь не только пепел? – заметил он.

– Еще порошок серебра и лунного камня, – не скрывая ответил Ульф.

– Лунного камня? Дорогая штука. И для чего это, говоришь? Для благословения Пепла? Никто не слышал о подобном, но ты, вижу, уверен...?

– Знакомый маг в Красгардской гильдии изучал Альгардскую Ночь. Он в этом разбирается.

Нергаль вдумчиво хмыкнул. Поднял голову, посмотрел на Ульфа уже по-другому – изучающим, почти уважительным взглядом.

– Магистр Норик что ли? – перебрав пару имен, Нергаль вспомнил подходящее. – Вижу не последнего человека в третье колено посвящают. С такими связями ты проростишь могущественную ветвь.

Ульф промолчал.

– Выспись, – Нергаль коротко кивнул, давая понять, что разговор окончен. – Завтра долгий день. Предстоит твоя последняя охота. Кони будут ждать с рассветом.

Он развернулся и ушёл в темноту – так же бесшумно, как появился. А Ульф перевёл взгляд на окно спальни. Там всё ещё горел свет.

Ноги сделали шаг сами. Потом второй. Он остановился, упёрся ладонью в шершавый ствол дуба. Кора была холодной, но живой – единственное живое здесь, кроме него самого.

Ульф сделал движение, чтобы встать, пойти к ней, объяснить. И остался сидеть. Потому что не мог смотреть ей в глаза. Не после того разговора. Не перед тем, что сделает через несколько часов.

Ульф закрыл глаза. Где-то в темноте вздохнул Торн – или только почудилось?

Где-то за лесом уже встало солнце, но сюда, во двор, окружённый высокими стенами, его лучи добирались последними. Всю ночь Ульф лишь закрывал глаза, позволяя телу отдыхать, но рой мыслей так и не дал уснуть.

Наконец послушники распахнули врата, и яркое утреннее солнце разогнало серую пред-рассветную тень. Нергаль придержал коня и бросил взгляд на пса, замершего у ворот.

– Торн! В тень!

Серый пёс дёрнул ухом – и в следующее мгновение его тело распалось, рассыпалось чёрным дымом, который стремительной струёй метнулся к хозяину.

Дым скользнул под ноги Нергали и впитался в его тень – та сразу сделалась плотнее, гуще, чем прежде. Тень под копытами коня вдруг обрела глубину, которой у неё быть не могло, и в этой глубине на мгновение блеснули два красных уголька. Затем всё мгновенно утихло. Снова была просто тень – самая обычная на вид, если не догадываться, что таится внутри.

Ульф смотрел и молчал. Двадцать лет назад он покинул свою деревню и думал, что с тех пор увидел многое... Но такого – не видел.

Они выехали со двора. Копыта коней размеренно и мягко стучали по узкой утрамбованной дороге, которая уводила их от ворот вглубь окутавшего всё вокруг утреннего тумана.

– Как ты обратил зверя? – решив скоротать время, обратился Ульф к ведущему.

Нергаль помедлил с ответом, погрузившись в истлевшие воспоминания. Несколько секунд он молчал, неотрывно глядя вперёд, будто вновь переживал минувшие дни. Наконец он сухо произнёс:

– Долго пытался. Много пробовал.

– И многих ли смог обратить? – уточнил Ульф, чувствуя, как любопытство берёт верх над сдержанностью.

– Нет, – улыбнулся аллар, и в его улыбке промелькнуло что-то особенное, личное. – Торн такой один. Да мне больше и не нужно.

Он обернулся в седле, и Ульф увидел его лицо – лицо человека, охваченного великой мечтой. В глазах Нергаль горел огонь энтузиазма, а улыбка казалась почти детской в своей искренности.

– А вот что мне нужно, так это коней разводить, – продолжил аллар, и голос его зазвучал живее, наполняясь воодушевлением. – Создам породу, какой ещё не бывало в Каролии! Сильных, выносливых, быстрых, с красивой, ровной рысью. Чтобы и в упряжи, и под седлом служили верой и правдой.

– Так чем же тебя имперская гордая не устраивает? – искренне удивился Ульф.

– О, это прекрасная порода, не спорю, – кивнул Нергаль. – Они сильны и резвы, но я хочу другого. Хочу породу легкую, выносливую, но и сильную. А главное – с ровным аллюром – такой рысью, чтобы смертный всадник не уставал в седле сутками.

Он сделал паузу, мечтательно глядя вдаль, и продолжил:

– Я возьму красгардских степных – у них ведь девятнадцатая пара рёбер, оттого и дыхание глубже, и выносливость выше. Добавлю крови киришских пони – стойких и неприхотливых. И, конечно, возьму имперских гордых – за их твёрдые кости и мощное сердце. Да... – он тихо выдохнул, словно боясь спугнуть мечту. – Все двадцать лет свободы я коплю деньги на эту сказку. Но дело движется.

Ульф слушал, невольно заражаясь его воодушевлением. Он поймал себя на том, что тоже начинает верить в эту затею – настолько искренне и ярко говорил Нергаль. Так час езды через росистое поле пролетел незаметно. Туман постепенно отступил, и капли утренней влаги заиграли в лучах солнца, словно россыпь драгоценных камней, рассыпанных по зелёному коврау травы.

Всадники остановились у леса, полного звуков жизни – щебета птиц, шелеста листьев и далёкого уханья совы, которая ещё не успела уснуть после ночной охоты. Лес встретил их прохладой и влажным запахом земли, смешанным с ароматом хвои и первых весенних цветов.

– Поохотимся на дичь? – Нергаль поровнял коней.

– Мы здесь за этим, – Ульф кивнул на лес, но в голосе не было охотничьего азарта. Только усталая констатация.

– Так ты не возражаешь?

– С чего бы? – Ульф подозрительно сощурился, покосился на спутника.

– Ну... – Нергаль выдержал паузу, будто пробовал слова на вкус. – Не считаешь себя монстром? Возразил бы ты, будь сам дичью?

Ульф насторожился, поняв куда тот ведёт, но промолчал.

– Верно. Возразил бы, – Нергаль говорил спокойно, даже лениво. – Но ты не дичь. Ты человек. Ты выше дичи и сам решаешь, когда и сколько убьёшь. Делает ли это тебя монстром? В глазах дичи – возможно. Но ты смотришь на ситуацию по-другому.

Он перевёл взгляд на Ульфа – прямо, но без тени угрозы.

– Я слышал ваш разговор с Дайной.

Ульф внутри напрягся, но снаружи остался спокоен. Только скулы чуть заметно дрогнули. Нергаль выдержал паузу, давая этому факту осесть в тишине. А потом позвал, даже не повышая голоса:

– Торн!

Тень под его конём ожила. Она заструилась, за клубилась – и через мгновение чёрный дым взвился вверх, сформировал силуэт огромного пса. Тот отряхнулся, будто прогоняя остатки дыма, и посмотрел на хозяина красными глазами.

Ульф нервно сглотнул. Он видел обращение десятки раз. Но когда из тени – из плоской, неживой черноты – вдруг появляется плоть, это всегда пробирает до костей.

– Олень! – коротко бросил Нергаль.

Пёс сорвался с места – и через секунду исчез в лесной чаще. Только ветки качнулись ему вслед.

Нергаль проводил его взглядом, затем снова повернулся к Ульфу.

– Сегодня вечером ты станешь алларом, – сказал он. – И мир перед тобой откроется с другой стороны. Ты увидишь его так, как не видят люди. И поймёшь то, чего они не поймут никогда. Но ты в смятении...

Ульф молчал. Смотрел прямо в глаза аллара и, к своему удивлению, не чувствовал привычного давления. Никто не копошился в его мыслях, не выуживал сомнения, не проверял на прочность. Нергаль просто говорил.

– Ты был полезен моей ветви и в благодарность, я даю тебе шанс уйти отсюда.

Он сделал паузу. Такую долгую, что звуки леса, птиц и ветра, успели втиснуться в неё и заполнить тишину.

– Сейчас: бери коня и скачи прочь. Ты можешь уйти.

Ульф не шелохнулся.

– Но если ты останешься...

Аура Нергалья сгустилась – воздух вокруг Ульфа стал плотным, тягучим, как смола. Лёгкие сдавило, мысли спутались, мир сузился до бардовых глаз напротив.

– ...я больше никогда не услышу от тебя подобной ереси.

Ульф с трудом разлепил губы. Каждое слово давалось так, будто он проталкивал его со дна Альги.

– Познавший Дар... не может отступить... – выдохнул он. – Он либо примет его... либо умрет.

Давление исчезло. Ульф втянул воздух – жадно, по-человечески, всей грудью. Нергаль смотрел на него с одобрительной, тёплой улыбкой. Как смотрит мастер на ученика, который наконец-то понял главный урок.

– Хорошо, – сказал он просто.

И хлопнул Ульфа по плечу – крепко, по-свойски.

– Тогда поехали. Олень сам себя не убьёт.

Нергаль тронул коня и первым въехал под сень леса. Ульф, всё ещё чувствуя, как дрожат пальцы, сжал поводья и последовал за ним. Ветки сомкнулись над головами, скрывая небо.

К вечеру, когда солнце уже почти скрылось за верхушками деревьев, два всадника выехали из леса на узкую утрамбованную дорогу. Их лошади шли размеренным, усталым шагом, опустив морды в такт движению. На спинах животных, поверх седел, были закреплены объёмистые вьюки, и только присмотревшись, можно было заметить, что скрывается под холщевой и кожаными ремнями – туша оленя, искусно разделанная и равномерно уложенная.

Лошади шли шагом, устало пофыркивая, и тени от деревьев становились все длиннее, сливаясь в сплошной сумрак. Где-то впереди, за поворотом, уже угадывались очертания усадебных построек – темные пятна конюшен и крыша дома, подсвеченная теплым желтым светом из окон соседних домов. Всадники не торопились: позади был долгий день, но впереди их ждет еще более долгая ночь.

Во дворе поместья было непривычно людно. Послушники в темных балахонах сновали между флигелями, готовили костры, тащили к центральной площади скамьи и столы и расставляли их в строгом порядке.

У вертелов сутились неофиты – их бледные лица выдавали страх и тревогу. Они то и дело бросали опасливые взгляды на зачарованные бочки, расставленные вдоль стены. Каждый из них знал страшную тайну этих кадей – в них хранилась кровь их сородичей – тех, коим не хватило ума принять Дар.

Но были и другие неофиты – их выдавала военная выправка, пусть они и старались её скрыть. В их движениях читалось не столько волнение, сколько предвкушение. Они ждали грядущей ночи с затаённым нетерпением, стараясь не выдать своего волнения.

Нергаль въехал во двор и, ловко соскочив с коня, отпустил Торна из тени. Не задерживаясь, он уверенной походкой направился отдавать распоряжения.

Тем временем Ульф занялся лошадьми – он подвёл их к коновязи, где подозвал неофитов и передал им груз. Пусть он сам был одним из них, но во взгляде окружающих читалось особое уважение – все знали: этой ночью Ульф переступит порог и станет алларом, равным по силе Нергалю.

Не встретив жены во дворе, Ульф поднялся в спальню. Она была там – сидела у зеркала, расчёсывая волосы, – длинные, чёрные, струящиеся сквозь пальцы, как вода. На ней было платье, которое Ульф никогда раньше не видел: тёмно-красное, почти чёрное, с высоким воротом и длинными рукавами. В отблесках светокаменной ткани мерцала, будто влажная.

Дайна не обернулась на вошедшего мужа, и Ульф молчал, глядя на неё. Перед ним у зеркала сидел аллар. Во всем – в одежде, в движениях, во взгляде, в их утреннем разговоре. Полгода Ульф цеплялся за тонкую ниточку её человеческой души, но так и не смог ухватиться. Сейчас он понял, что уже и не сможет. Он опустил глаза, проглатывая последние сожаления, но вскоре поднял их в горькой решимости. Он сделает то, что должен.

Дайна медленно поднялась и, словно невесомая тень, приблизилась к мужу. Её губы нежно коснулись его щеки в едва уловимом поцелуе.

– Мне горько видеть твоё смятение, любимый, – произнесла она с неподдельной печалью в голосе. – Горько, что не могу тебя утешить. Но я положу вечность на то, чтобы ты не сожалел ни о чем. Клянусь тебе.

Внутри Ульфа всё сжалось в тугой узел. Сомнения на мгновение захватили его разум. Может быть, он ошибся? Вот же она – истинная, любимая, человеческая... Он стиснул зубы, прогоняя сомнения и ответил сдержанно:

– Горько и мне.

Дайна опустила голову, словно от боли, и медленно отступила.

– Успей смыть запах, – печально добавила она, выходя из спальни.

Ульф провел в ванной остаток времени. Намного больше, чем требовалось чтобы просто омыть тело. Он не хотел выходить во двор. Избегал царящей там суеты. В эти последние минуты он собирал себя по кусочкам, как мозаику. Набирался решимости, укреплял дух, прогонял остатки сомнений. Его разум должен быть чист, как воды Альги. Рука – тверда, как сталь. Сердце – непоколебимо, как скала. Он – Ульф – забытая длань и мститель обреченных. Он все решил давным-давно.

Наконец, вострубили прибытие второпослушника – очередной путь длиною в полгода завершался. Ульф встал, накинул балахон – такой же, как у всех неофитов. Подойдя к окну, он взглянул на красные шторы. Их цвет подходит. Он нагнулся и отрезал толстую полосу ткани. Убрав ее за пазуху, он вышел во двор навстречу своей судьбе.

Когда он спустился с крыльца, двор уже напоминал жертвенную площадку. Посреди площади высился алтарь, сложенный из серебряного камня. Вокруг, тесным кольцом, замерли послушники. Позади них – неофиты. Те, кто сегодня готовились принять кровь, чтобы потом, через две недели боли, смертей и возрождений, восстать алларами.

Величественная фигура второпослушника возникла на пороге двора, словно воплощение надменности и превосходства. Его размеренные шаги источали власть, и тени подрагивали в такт им. Расписной камзол, украшенный витиеватыми узорами, переливался в свете жаровен, затмевая даже блеск серебряного алтаря.

Трибуна, воздвигнутая перед жертвенником, казалась жалкой поделкой рядом с его величественной осанкой. Он взлетел на возвышение с такой небрежностью, словно снизошёл сюда из дворцов империи. Его багровые очи, обычно излучающие силу и влияние, сейчас пылали презрением к слабым.

Второпослушник обвёл собравшихся тяжёлым взглядом, и каждый, на ком он задерживался, чувствовал, как давит на плечи груз его силы. Он приоткрыл губы, собираясь начать речь, – и вдруг замер. Взгляд его упал на человека в толпе неофитов. Тот возился с каким-то лоскутом красной ткани, прилаживая его к поясу.

Владыка второго колена нахмурился. Не потому, что жест был неуместен. Просто он не мог поверить, что кто-то посмел отвлечься на такое ничтожество в тот самый миг, когда он, второпослушник, готовился говорить.

Он перевёл взгляд – и увидел второго. Тоже с красным лоскутом. Тоже занят какой-то вознёй, не имеющей значения.

Владыка второго колена решил, что это неуважение надо пресечь. Не разбираться, не всматриваться – просто уничтожить. Он направил волю, высвободил поток Дара, чтобы перемолоть кости наглицов, даже не удостоив их отдельной мысли. Сделал и уже забыл, собираясь продолжить.

Но продолжить не получилось. Поток Дара ушёл в пустоту. Человек с красным лоскутом даже не пошатнулся. Владыка второго колена попробовал снова – и тогда почувствовал боль. Сначала в висках, потом глубже, в самом основании черепа. Давно забытое ощущение. Невозможное для аллара.

А потом по краям площади вспыхнули магические круги. Свет ударил резко, ослепляя. В толпе неофитов сверкнули клинки, и первые головы, отделившись от плеч, покатались по земле.

Владыка второго колена успел открыть рот – может, для приказа, может, для заклинания. Но человек с красным лоскутом уже был рядом, и клинок вошёл под рёбра раньше, чем второпослушник успел понять, что происходит.

Пустяковая рана для аллара. Пусть ночное заклинание Ульфа сковывало их силу – рисковать было нельзя. Ульф резко выдернул меч и нацелил остриё в шею врага – к той самой цели, к которой шёл полгода. Ради неё он сжигал деревни, ради неё лишал жизни селян.

Сколько же мертвых осталось за спиной? Маска ледяного спокойствия треснула лишь на миг, но рука дрогнула в жажде мести – и в этот миг второпослушник успел увернуться. Вернее, Нергаль успел резко одёрнуть господина, уводя его изпод смертельного удара.

Послушники зашумели, задвигались, пытаются понять, что происходит. Магические круги, вспыхнувшие по краям площади, сковывали их силу – и это понимание приходило медленно, слишком медленно для тех, кто привык полагаться на Дар. Те, кто понял быстрее, бросились к реагентам, но из темноты уже вышли мечники с красными поясами. Клинки сверк-

нули в свете магических кругов – и безоружные аллары оседали на землю вслед за своими головами.

Остальные побежали. К воротам, к калиткам, к лазейкам, о которых знали только они. Мечники нагоняли их и рубили, не давая покинуть двор. Но один не побежал. Он стоял перед предателем, заслоняя собой второпослушника, и смотрел холодно, без страха. Ульф метнулся к нему с мечом, но аллар даже не шевельнулся. Только коротко бросил:

– Торн, рви.

Холод пронзил Ульфа раньше, чем крики его солдат. Он не видел, как пёс сорвался с места, не видел самого прыжка – только тень, мелькнувшую на краю зрения. А потом звук. Тот самый, который он слышал однажды, когда Торн принёс к ногам Нергалью голову онниса. Вот только сейчас хрустели человеческие кости.

– Это мир людей, Нергаль, – голос Ульфа прозвучал глухо, металлически. – Нам не ужиться.

Нергаль медленно поднял подбородок, вглядываясь в лицо человека напротив. Чтото дрогнуло в его лице – не гнев и не ярость, а что-то иное. Он смотрел с той печальной решимостью, с какой отец берёт в руки розгу: не желая, но зная, что должен.

– Не нужно слов, – сказал он тихо.

Он резко и глубоко впился ногтем в ладонь. Кровь выступила сразу – густая, почти чёрная в свете жаровен. Она не стекала на землю, а собралась в дрожащий пузырь на коже, медленно набухала, вытягиваясь в остриё. Ещё мгновение – и в руке аллара лежал узкий и длинный клинок, спёкшейся из этой крови.

Даже лишённый Дара, Нергаль двигался ловко. Ульф привык, что аллары полагаются на скорость и неуязвимость – им редко нужны навыки. Нергаль же, видно, находил удовольствие в тренировках. Его клинок из застывшей крови пел в воздухе, находя лазейки там, где их, казалось, не было. Ульф отступал, держа дистанцию, чувствуя, как кровь сочится из-под балахона в том месте, где он пропустил удар.

Сзади всё ещё бушевал Торн. Пёс был изранен, но его размеры и свирепость с лихвой заменяли утраченную силу. Снова закричал человек. Хрустнуло, и крик гвардейца оборвался.

Ульф слышал тяжелое дыхание товарищей за спиной. Слышал, что их становится все меньше. Он понимал, что медлить нельзя и принял атакующую стойку, пренебрегая возможностью защищаться. В этом бою жизнь Нергалью стоила больше, а значит и размен выгоден. Нергаль кивнул, понимая замысел и тоже отвел меч для атаки.

В один миг оба воина бросились друг на друга. И перед самым ударом Ульф уловил движение сзади – огромная тень настигала его, когти уже тянулись к плечам... В долю секунды он выхватил кинжал и резко отвёл руку назад, выставив лезвие за спину – прямо навстречу невидимой угрозе. А в следующий миг меч Ульфа вошёл в сердце аллара. Но удара в спину не последовало, кинжал не нашел цели.

Ульф замер, не понимая. Осмотрелся. Нергаль обмяк под его мечом, выпустив клинок из рук. Кровь – густая, почти чёрная – текла по его груди, но глаза были открыты. Он смотрел не на Ульфа – за его спину – в глаза своему псу. И твердо, хоть и с трудом держал руку в останавливающем жесте. Торн замер, едва не напоровшись на смертельное остриё.

– Беги, малыш... – выдохнул аллар, и голос его сорвался, захлебнулся кровью. – Найди тень.

Ульф рванул меч из тела, отступил на шаг, готовясь к броску пса. Но Торн игнорировал его, глядя на хозяина. В его красных глазах не было ярости – только растерянность, только вопрос, на который не мог ответить никто.

– Торн! – Нергаль попытался прикрикнуть, но голос его перешёл в хрип, в кашель, в кровавые капли на губах. – В тень...

Пёс дёрнулся, сделал движение, будто собираясь подчиниться, – и остался на месте. Топтался, скулил, не понимая, почему хозяин не встаёт, почему не сражается, почему отсылает.

Сзади подошёл витязь, занёс меч над серой шеей.

– Стой, – тихо сказал Ульф и сам не узнал своего голоса.

Нергаль перевёл взгляд на него. Медленно, тяжело. А потом снова посмотрел на пса. Собрал последние силы, которые, казалось, уже покинули его, и скомандовал – громко и чётко, так, что каждый звук отдался в груди:

– В тень!

Пёс затоптался на месте, подпрыгнул. И вдруг, впервые за всё время, Ульф услышал лай Торна. Чистый, громкий, полный такой тоски, что у самого защемило в груди. А потом пес сорвался с места и исчез в ночи.

– Почему? – с непониманием спросил Ульф.

Нергаль посмотрел на него. Глаза уже мутнели, но в них всё ещё теплилось что-то живое.

– Не нужно слов, – прошептал он на последнем выдохе.

Ульф обернулся на звук – влажный, глухой, тот, который он слышал уже столько раз, что перестал замечать. Голова второпослушника покатила по камням, и кто-то из гвардейцев пнул её в сторону, чтобы не мешалась.

Очередной второпослушник найден и убит. Цель, к которой Ульф шел полгода, достигнута. Но путь еще не завершён – ведь, подняв глаза, он увидел ее. Дайна стояла на краю двора, поджимая руку к боку. Её взгляд, полный отчаяния и непонимания, скользил по завершающейся бойне и то и дело замирал на муже.

Ульф всегда знал, что должен делать. Решил это очень давно. Отбросил последние колебания прежде, чем спуститься во двор. Он подошел к Дайне, сжимая меч, взглянул в ее глаза и постарался не заметить в них ту самую нить человечности, за которую хватался всё это время.

– Тиалин проведет ритуал... – с мольбой в голосе произнес он.

Ответом стала пощечина. Удар отозвался болью. Не жжением на щеке, а болью отказа где-то в глубине души. Ульф поднял голову, вновь встретил её взгляд, полный разочарования и отчаяния – такой, какой бывает у тех, кто понял, что надежды не было никогда. Ульф бросил меч, схватил жену за плечи и встряхнул, в последней попытке вытрясти из неё ту, которую любил.

– Дайна, хватит! – настойчиво крикнул он. – Ты не чудовище!

Она посмотрела на меч, валяющийся в пыли, потом на него. Усмехнулась – горько, устало.

– Я думала, ты сильнее, – бросила она пренебрежительно. Её рука потянулась к груди.

Ульф успел увидеть, как блеснул кинжал. Успел крикнуть. Успел рвануться вперёд, чтобы перехватить запястье. Но не успел остановить. Дайна вонзила лезвие себе между рёбер. Удивлённо охнула – наверное, забыла, каково это – чувствовать боль. И обмякла.

Ульф поймал её, прижал к себе, упал на колени. Она стала тяжёлой, холодной, мёртвой. Он обнимал её тело, прижимался лицом к волосам, которые ещё хранили запах тех трав, что она любила, – и не мог понять, что чувствует. Не подбиралось ни слов, ни мыслей – только пустота, в которой бушевал скоп эмоций, но не находил выхода.

– Ваше благородие... – Кто-то коснулся его плеча. – Нам следует отступить. Несколько послушников улизили...

Ульф не ответил. Не шевельнулся.

– Ваше благородие...

Тогда он задрал голову и закричал. Тем голосом, что рождается, когда душа рвётся пополам. Гнев. Ненависть. Скорбь. Всё, что он копил многие годы, уничтожая одну ветвь культивистов за другой, оправдывая этим десятки сожженных деревень и убитых селян. С её смертью, всё это вырвалось наружу единым, долгим, бесконечным воплем.

Крик оборвался, когда в груди не осталось воздуха. Только тогда Ульф опустил голову, прижался губами к её волосам и закрыл глаза. Гвардеец отступил. Потому что понял: сейчас к этому человеку не подступиться. Потому что в тишине, наступившей после крика, было то, чего не перебить словами.

Но его командир этого не понял.

– Оставь истерику, дружинник! – раздался голос витязя с площади. – Красноглазым плевать с высокой колокольни на слезы всех отцов и матерей, жен и мужей. Они людей жрут! А потом сжигают деревни, перешагивают через трупы и идут дальше!

Десятник подошел к Ульфу и попытался растормошить его за плечо.

– И ты думаешь, что вот именно к тебе она привязалась? Именно тебя пожалела? Нет, она бы и тебя сожрала, а потом еще и смеялась бы над твоей глупостью. Сука наложила на себя руки и хоро...

Десятник не успел договорить – Ульф, подобно змее, распрямился и молниеносно ударил кулаком в лицо боевого брата. Тот успел среагировать, и удар лишь рассек ему губу, а не сломал челюсть.

Ульф на мгновение замер, осознавая, что вплотную подошел к последней черте. Его рука всё ещё горела от удара, а в душе бушевала буря противоречивых чувств. Но он не сожалел о содеянном, чувств

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.